

**ХРОНИКИ
НАРНИИ**

ПОВЕСТИ ИЗ ЭПОПЕИ

ХРОНИКИ НАРНИИ

Племянник чародея

Лев, колдунья и платяной шкаф

КОНЬ И ЕГО МАЛЬЧИК

Принц Каспиан

«Покоритель зари»,
или Плавание на край света

Серебряное кресло

Последняя битва

Клайв С. Льюис

КОНЬ И ЕГО МАЛЬЧИК

Перевод Натальи Трауберг

*Иллюстрации
Паулин Бэйнс*

Москва
2015

Посвящается
Дэвиду и Дунгасу Трэнманам

Глава первая

ПОБЕГ

Эта повесть о событиях, случившихся в Нарнии и к Югу от неё тогда, когда ею правили король Питер и его брат и две сестры. В те дни далеко на Юге, у моря, жил бедный рыбак по имени Аршиш, а с ним мальчик по имени Шаста, звавший его отцом. Утром Аршиш выходил в море ловить рыбу, а днём запрягал осла, клал рыбу в повозку и ехал в ближайшую деревню торговать. Если он выручал много, то возвращался в добром духе и Шасту не трогал; если выручал мало, придирался, как только мог, и даже бил мальчика. Придаться было нетрудно, Шаста делал по дому всё — стирал и чинил сети, стряпал и убирал.

Шаста никогда не думал о том, что лежит от них к Югу; он бывал с Аршишем в деревне, и ему там не нравилось. Он видел точно таких людей, как его отец, — в грязных длинных одеждах, сандалиях и тюрбанах, с грязными длинными бородами, медленно толковавших об очень скучных делах. За-

то его живо занимало всё, что лежит к Северу; но туда его не пускали. Чиня на пороге сети, он с тоской глядел на Север, но видел только склон холма, небо и редких птиц.

Когда Аршиш сидел дома, Шаста спрашивал: «Отец, что там, за холмом?» Если Аршиш сердился, он драл его за уши, если же был спокоен, отвечал: «Сын мой, не думай о пустом. Как сказал мудрец, прилежание — корень успеха, а те, кто задаёт пустые вопросы, ведут корабль глупости на рифы неудачи».

Шасте казалось, что за холмом — какая-то дивная тайна, которую отец до поры скрывает от него. На самом же деле рыбак говорил так, ибо не знал, да и знать не хотел, какие земли лежат к Северу. У него был практический ум.

Однажды с Юга прибыл незнакомец, совсем иной, чем те, кого видел Шаста до сих пор. Он сидел на прекрасном коне, и седло его сверкало серебром. Сверкали и кольчуга, и острие шлема, торчащее над тюрбаном. На боку его висел ятаган, спину прикрывал медный щит, в руке было копье. Незнакомец был тёмной кожей, но Шаста привык к темнолицым, удивило его иное: борода, выкрашенная в алый цвет, вилась кольцами и лоснилась от благовоний. Аршиш понял, что это — тархан, то есть вельможа, и склонился до земли, незаметно показывая Шасте, чтобы и тот преклонил колени.

Незнакомец попросил ночлега на одну ночь, и Аршиш не посмел отказать ему. Все лучшее, что

было в доме, хозяин поставил перед ним, а мальчику (так всегда бывало, когда приходили гости) дал кусок хлеба и выгнал во двор. В таких случаях Ша-ста спал с ослом, в стойле; но было ещё рано и, поскольку никто никогда не говорил ему, что нельзя подслушивать, он сел у самой стены.

— О хозяин! — промолвил тархан. — Мне угодно купить у тебя этого мальчика.

— О господин мой! — отвечал рыбак, и Ша-ста угадал по его голосу, что глазки у него блеснули. — Как продам я, твой верный раб, своего собственного сына? Разве не сказал поэт: «Сильна, как смерть, отцовская любовь, а сыновняя дороже, чем алмазы?»

— Возможно, — сухо выговорил тархан, — но другой поэт говорил: «Кто хочет гостя обмануть — подлее, чем гиена». Не оскверняй ложью свои уста. Он тебе не сын, ибо ты тёмн лицом, а он светел

и бел, как проклятые, но прекрасные нечестивцы с Севера.

— Дивно сказал кто-то, — отвечал рыбак, — что око мудрости острее копья! Знай же, о мой высокогородный гость, что я, по бедности своей, никогда не был женат. Но в год, когда Тисрок (да живет он вечно) начал своё великое и благословенное царствование, в ночь полнолуния, боги лишили меня сна. Я встал с постели и вышел поглядеть на луну. Вдруг слышался плеск воды, словно кто-то грёб вёслами, и слабый крик. Немного позже прилив прибил к берегу маленькую лодку, в которой лежал иссу-

шённый голодом человек. Должно быть, он только что умер, ибо он ещё не остыл, а рядом с ним был пустой сосуд и живой младенец. Вспомнив о том, что боги не оставляют без награды доброе дело, я прослезился, ибо раб твой мягкосердечен, и...

— Не хвали себя, — прервал его тархан. — Ты взял младенца, и он отработал тебе вдесятеро твою скудную пищу. Теперь скажи мне цену, ибо я устал от твоего пусторечия.

— Ты мудро заметил, господин, — сказал рыбак, — что труд его выгоден мне. Если я продам этого отрока, я должен купить или нанять другого.

— Даю тебе пятнадцать полумесяцев, — сказал тархан.

— Пятнадцать! — взвыл Аршиш. — Пятнадцать монет за усладу моих очей и опору моей старости! Не смейся надо мною, я сед. Моя цена — семьдесят полумесяцев.

Тут Шаста поднялся и тихо ушёл. Он знал, как люди торгуются. Он знал, что Аршиш выручит за него больше пятнадцати монет, но меньше семидесяти и что спор протянется не один час.

Не думайте, что Шаста чувствовал то самое, что почувствовали бы вы, если бы ваши родители решили вас продать. Жизнь его была не лучше рабства, и тархан мог оказаться добрее, чем Аршиш. К тому же он очень обрадовался, узнав свою историю. Он часто сокрушался прежде, что не может любить рыбака, и когда понял, что тот ему чу-

шой, с души его упало тяжкое бремя. «Наверное, я сын какого-нибудь тархана, — думал он, — или Тисрока (да живет он вечно), а то и божества!»

Так думал он, стоя перед хижинкой, а сумерки сгущались, и редкие звёзды уже сверкали на небе, хотя у заднего края оно отливало багрянцем. Конь пришельца, привязанный к столбу, мирно щипал траву. Шаста погладил его по холке, но конь не обратил внимания.

И Шаста подумал: «Кто его знает, какой он, этот тархан!»

— Хорошо, если он добрый, — продолжал он вслух. — У некоторых тарханов рабы носят шёлковые одежды и каждый день едят мясо. Может быть, он возьмет меня в поход, и я спасу ему жизнь, и он освободит меня, и усыновит, и подарит дворец... А вдруг он жестокий? Тогда он закуёт меня в цепи. Как бы узнать? Конь-то знает, да не скажет.

Конь поднял голову, и Шаста погладил его шёлковый нос.

— Ах, умел бы ты говорить! — воскликнул он.

— Я умею, — тихо, но внятно отвечал конь.

Думая, что это ему снится, Шаста всё-таки крикнул:

— Быть того не может!

— Тише! — сказал конь. — На моей родине есть говорящие животные.

— Где это? — спросил Шаста.

— В Нарнии, — отвечал конь.

— Меня украли, — рассказывал конь, когда оба они успокоились. — Если хочешь, взяли в плен. Я был тогда жеребёнком, и мать запрещала мне убежать далеко к Югу, но я не слушался. И поплатился же я за это, видит лев! Много лет я служу злым людям, притворяясь тупым и немым, как их кони.

— Почему же ты им не признаёшься?

— Не такой я дурак! Они будут показывать меня на ярмарках и сторожить ещё сильнее. Но оставим пустые беседы. Ты хочешь знать, каков мой хозяин Анрадин. Он жесток. Со мной — не очень, кони дороги, а тебе, человеку, лучше умереть, чем быть рабом в его доме.

— Тогда я убегу, — сказал Шаста, сильно побледнев.

— Да, беги, — сказал конь. — Со мною вместе.

— Ты тоже убежишь? — спросил Шаста.

— Да, если ты тоже убежишь, — сказал конь. — Тогда мы, может быть, и спасёмся. Понимаешь, если я буду без всадника, люди увидят меня и скажут: «У него нет хозяина» — и погонятся за мной. А с всадником — другое дело... Вот и помоги мне. Ты ведь далеко не уйдёшь на этих дурацких ногах (ну и ноги у вас, людей!), тебя поймают. Умеешь ты ездить верхом?

— Конечно, — сказал Шаста. — Я часто езжу на осле.

— На чём? Ха-ха-ха! — презрительно усмехнулся конь (во всяком случае, хотел усмехнуться,

а вышло скорей «го-го-го!..», у говорящих коней лошадиный акцент сильнее, когда они не в духе). — Да, — продолжал он, — словом, не умеешь. А падать хотя бы?

— Падать умеет всякий, — отвечал Шаста.

— Навряд ли, — сказал конь. — Ты умеешь падать, и вставать, и, не плача, садиться в седло, и снова падать, и не бояться?

— Я... постараюсь, — сказал Шаста.

— Бедный ты, бедный, — гораздо ласковей сказал конь, — всё забываю, что ты — детёныш. Ну ничего, со мной научишься! Пока эти двое спорят, будем ждать, а заснут — тронемся в путь. Мой хозяин едет на Север, в Ташбаан, ко двору Тисрока.

— Почему ты не прибавил «да живет он вечно»? — испугался Шаста.

— А зачем? — спросил конь. — Я свободный гражданин Нарнии. Мне не пристало говорить, как эти рабы и недоумки. Я не хочу, чтобы он вечно жил, и знаю, что он умрёт, чего бы ему ни желали. Да ведь и ты свободен, ты — с Севера. Мы с тобой не будем говорить на их манер! Ну, давай обсуждать наши планы. Я уже сказал, что мой человек едет на Север, в Ташбаан.

— Значит, нам надо ехать к Югу?

— Нет, — сказал конь. — Если бы я был нем и глуп, как здешние лошади, я побежал бы домой, в своё стойло. Дворец наш — на Юге, в двух днях пути. Там он и будет меня искать. Ему и не дога-

даться, что я двинусь к Северу. Скорее всего, он решит, что меня украли.

— Ура! — закричал Шаста. — На Север! Я всегда хотел его увидеть.

— Конечно, — сказал конь, — ведь ты оттуда. Я уверен, что ты хорошего северного рода. Только не кричи. Скоро они заснут.

— Я лучше посмотрю, — сказал Шаста.

— Хорошо, — сказал конь. — Только поосторожней.

Было совсем темно и очень тихо, одни лишь волны плескались о берег, но этого Шаста не замечал, он слышал их день и ночь, всю жизнь. Свет в хижине погасили. Он прислушался, ничего не услышал, подошёл к единственному окошку и различил секунды через две знакомый храп. Ему стало смешно: подумать только, если всё пойдёт как надо, он больше никогда этих звуков не услышит! Стараясь не дышать, он немножко устыдился, но радость была сильнее стыда. Тихо пошёл он по траве к стойлу, где был ослик, — он знал, где лежит ключ, отпер дверь, отыскал седло и уздечку: их спрятали туда на ночь.

Потом поцеловал ослика в нос и прошептал: «Прости, что мы тебя не берём».

— Пришёл наконец! — сказал конь, когда он вернулся. — Я уже гадал, что с тобой случилось.

— Я доставал твои вещи из стойла, — ответил Шаста. — Ты не скажешь, как их приладить?

Потом довольно долго он их прилаживал, стараясь ничем не звякнуть. «Тут потуже, — говорил конь. — Нет, вот здесь. Подтяни ещё». Напоследок он сказал:

— Вот смотри, это поводья, но ты их не трогай. Приспособь их посвободней к луке седла, чтобы я двигал головой, как хотел. И главное, не трогай.

— Зачем же они тогда? — спросил Шаства.

— Чтобы меня направлять, — отвечал конь. — Но сейчас выбирать дорогу буду я, тебе их трогать ни к чему. А ещё — не вцепляйся мне в гриву.

— За что же мне держаться? — снова спросил Шаства.

— Сжимай покрепче колени, — сказал конь. — Тогда и научишься хорошо ездить. Сжимай мне коленями бока сколько хочешь, а сам сиди прямо и локти не растопыривай. Что ты там делаешь со шпорами?

— Надеваю, конечно, — сказал Шаства. — Уж это я знаю.

— Сними их и положи в перемётную суму. Продадим в Ташбаане. Снял? Ну, садись в седло.

— Ох, какой ты высокий! — с трудом выговорил Шаства после первой неудачной попытки.

— Я конь, что поделаешь, — сказал конь. — А ты на меня лезешь, как на стог сена. Вот так получше! Теперь *распрямись* и помни насчёт коленей. Смешно, честное слово! На мне скакали в бой великие воины, и дожил я до такого мешка! Что ж, поехали. — И он засмеялся, но не сердито.

Конь превзошёл себя, так он был осторожен. Сперва он пошёл на Юг, старательно оставляя следы на глине, и начал переходить вброд речку, текущую в море, но на самой её середине повернул и пошёл против течения. Потом он вышел на каменистый берег — там следов не оставишь — и долго двигался шагом, пока хижина, стойло, дерево — словом всё, что знал Шаста, — не растворилось в серой мгле июльской ночи. Тогда Шаста понял, что они уже на вершине холма, отделявшего от него мир. Он не мог толком разобрать, что впереди — как будто и впрямь весь мир, очень большой, пустой, бесконечный.

— Ах, — обрадовался конь, — самое место для галопа!

— Ой, не надо! — сказал Шаста. — Я ещё не могу... пожалуйста, конь! Да, как тебя зовут?

— И-йю-го-го-га-га-га-а!..

— Мне не выговорить, — сказал Шаста. — Можно я буду звать тебя Игого?

— Что ж, зови, если иначе не можешь, — согласился конь. — А тебя как называть?

— Шаста.

— Да... Вот это и впрямь не выговоришь. А насчет галопа ты не бойся, он легче рыси, не надо подниматься-опускаться. Сожми меня коленями (это называется шенкеля) и смотри прямо между ушей. Только не гляди вниз! Если покажется, что падаешь, сожми сильнее, выпрями спину. Готов? Ну, во имя Нарнии!..